

Джек Лондон

По ту сторону

Джек Лондон

По ту сторону

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6695794

Аннотация

«Старый Сан-Франциско – или, иными словами, Сан-Франциско до землетрясения – был разделен пополам чертой. Этою чертою была железная перекладина, шедшая посредине Базарной улицы. К этой перекладине был прикреплен бесконечный канат, к которому можно было привязывать повозки и тележки, и который перетаскивал их с одного конца улицы на другой. В сущности говоря, было две перекладины, но в обиходе их считали как бы за одну и называли просто перекладиной, или чертой. К северу от черты были театры, гостиницы, роскошные магазины, банки, конторы; по другую сторону черты, к югу, были заводы, мрачные притоны, кабаки, прачечные, починочные мастерские и дома, где жили рабочие...»

Содержание

Джек Лондон

По ту сторону

* * *

Старый Сан-Франциско – или, иными словами, Сан-Франциско до землетрясения – был разделен пополам чертой. Этою чертою была железная перекладина, шедшая по середине Базарной улицы. К этой перекладине был прикреплен бесконечный канат, к которому можно было привязывать повозки и тележки, и который перетаскивал их с одного конца улицы на другой. В сущности говоря, было две перекладины, но в обиходе их считали как бы за одну и называли просто перекладиной, или чертой. К северу от черты были театры, гостиницы, роскошные магазины, банки, конторы; по другую сторону черты, к югу, были заводы, мрачные притоны, кабаки, прачечные, починочные мастерские и дома, где жили рабочие. Таким образом, перекладина, или черта, приобрела как бы некое символическое значение – она означала разделение общества на два класса, и никто не умел так ловко переходить черту, как Фредди Друммонд. Он приспособился жить в обоих мирах и в обоих мирах чувствовал себя превосходно.

Фредди Друммонд был профессором социологии в Кали-

форнском университете, и в первый раз он перешел черту именно как профессор социологии. Он прожил шесть месяцев в рабочем квартале и написал свой труд под названием «Неопытный рабочий», – книгу, которую всюду отметили, как ценный вклад в литературу прогресса и как великолепный отпор литературе недовольства. И в политическом и в экономическом смысле книга была вполне ортодоксальна¹. Председатели крупных железнодорожных компаний покупали эту книгу целыми изданиями для раздачи ее своим служащим. Объединение мануфактурных фабрик купило сразу пятьдесят тысяч экземпляров. В некоторых отношениях книга эта была столь же замечательна, как знаменитые «Послания к Гарсиа», хотя по своей проповеди наживы и сытого довольства она напоминала «Миссис Викс и огород с капустой».

Вначале Фредди Друммонд никак не мог приноровиться к рабочим. Он не привык к их способам обращения, а они косились на него. Рабочие относились к нему подозрительно. Фредди Друммонд не имел стажа, ничего не мог рассказать о своей прежней работе и вдобавок подавал для пожатия изнеженную руку. Его необыкновенная вежливость тоже была подозрительна. Когда он впервые решил разыграть роль рабочего, то вообразил, что всякий независимый американец может заниматься чем ему угодно и ни перед кем не отчитываться. Оказалось – не совсем так. Рабочие сочли его за

---

¹ Ортодоксальный-правоверный.

чудака. Спустя некоторое время, немного освоившись с новым положением, он незаметно для самого себя стал разыгрывать более легкую роль человека, опустившегося случайно и временно.

Он понахватал много интересных фактов, и все это послужило ему материалом для «Неопытного рабочего». Его обобщения были не всегда правильны благодаря отсталости, свойственной людям его типа, но он ловко вывернулся, назвав свои выводы «попыткою к обобщению». Первые свои опыты он начал на консервном заводе Уильмакса, где ему была поручена выделка небольших ящичков. На завод присылались готовые части, и нужно было только сколачивать их тонкими гвоздями с помощью легкого молотка. Работа была нехитрая и оплачивалась она сдельно. Обыкновенный рабочий вырабатывал полтора доллара в день. Фредди Друммонд заметил, что некоторые рабочие, исполнявшие ту же работу, как и он, даже не работая особенно ретиво, вырабатывали один доллар семьдесят пять центов. На третий день он стал зарабатывать столько же. Но он был самолюбив, он не хотел этим ограничиться, и на четвертый день заработал два доллара; а еще через день, работая не покладая рук, он заработал даже два с половиной доллара. Его сотоварищи стали ворчать и злобно над ним насмехаться, а кроме того, говорили что-то между собою на непонятном для него рабочем жаргоне. Они говорили, что необходимо прижимать хозяев и по возможности обуздывать свою прыть. Его очень удивило

такое отношение к сдельной работе, и он сделал много выводов относительно врожденной лени и непредприимчивости рабочего класса, а на следующий день выработал уже три доллара.

Когда Друммонд в тот вечер выходил из завода, к нему подошли его товарищи и стали осыпать его гневными и непонятными упреками. Он старался осмыслить руководившие ими побуждения. Они спорили очень ожесточенно. Когда он наотрез отказался работать меньше и напомнил им о свободном договоре, о независимости американского гражданина и о достоинстве труда, они решили собственными средствами умерить его пыл. Завязалась жестокая драка. Друммонд был рослый человек и атлет. Но толпа в конце-концов осилила его; ему изрядно помяли бока, расквасили физиономию, вывихнули пальцы, так, что пришлось пролежать неделю в постели, прежде чем он оказался способен приняться за другую работу.

Все это он изложил в своей первой книге, в главе, названной «Тирания труда». Через некоторое время работая в другом отделении того же завода в качестве распределителя фруктов, он однажды попытался нести два ящика вместо одного, за что немедленно получил упрек от своих товарищей. Ему было совсем нетрудно нести два ящика, но он решил, что находится здесь не для того, чтобы вводить свои обычаи, а для того, чтобы наблюдать обычаи уже заведенные. И поэтому он стал носить по одному ящику и вскоре так хорошо

изучил искусство отлынивать от работы, что написал об этом специальную главу, в которой пытался делать обобщения.

За эти шесть месяцев он работал на стольких заводах, что из него выработалась довольно удачная пародия на рабочего. Фредди Друммонд был природным лингвистом², он всегда носил при себе записную книжку, делал в ней различные заметки и в конце концов довольно удачно научился говорить на рабочем жаргоне. Этот жаргон помог ему лучше вникнуть в ход мыслей рабочих, что, в свою очередь, дало ему возможность написать исследование, под названием «Синтез психологии рабочего класса».

Перед тем как вынырнуть после этого своего ныряния на дно моря, он заметил, что может быть хорошим актером и что, вдобавок, обладает спокойным и уравновешенным характером. Он сам удивлялся своему таланту. Усвоив жаргон и поняв многие непонятные для него прежде выражения, он стал входить во все подробности жизни рабочего класса и чувствовал себя там, как дома. В предисловии к своей второй книжке «Рабочий» он говорил о том, что пытался поближе познакомиться с жизнью рабочего класса, а единственным средством для этого было работать вместе с ним, есть ту же пищу, забавляться его забавами и чувствовать его чувствами.

Фредди Друммонд не был глубоким мыслителем, он не верил в новые теории, все его нормы и критерии были условны.

---

² Специалист по языковедению, знаток языков.

Его трактат о французской революции был известен в академических кругах не только как очень кропотливое исследование, но главным образом потому, что ничего более сухого, более мертвого и формального не было еще написано на эту тему. Однако, способности у него были большие, и волей он обладал твердой, как сталь. Друзьями он не мог похвастаться, так как был необщителен и сух по природе. У него не было никаких пороков и, казалось, он никогда не подвергался никаким искушениям. Он ненавидел табак, презирал пиво? и никто не видел, чтобы он выпил что-нибудь крепче столового белого вина. Когда он начинал свою карьеру, его более горячие товарищи прозвали его «Ледником». По окончании университета он стал известен под кличкую «Холодильник». Однако, в одной области и он был просто «Фредди»; это было, когда он играл в университетской футбольной команде, где проявил себя хорошим баком³. Сокращенное имя за ним укрепилось, и это ему не очень нравилось. Он был таким «Фредди», когда не нужно было выступать в официальной роли, и ему часто снилось по ночам, что жизнь его идет под уклон, и весь мир называет его «Старый Фредди». Он был молод для доктора социологии, ему было всего двадцать семь лет, а на вид и того меньше. Его скорее можно было принять за великовозрастного студента, гладко выбритого, с элегантными манерами, – за простодушного здорового малого, известного своей физической силой, спокойного

---

³ Ближайший к воротам защитник (при игре в футбол).

и хладнокровного, как все люди этого типа. Вне стен университета он не говорил о научных вопросах до тех пор, пока не сделался известным ученым и не стал снисходительно читать рефераты в различных литературных и экономических обществах. Все, что он делал, было правильно, даже слишком правильно. Он был корректен⁴ и в одежде и в обращении. При этом его нельзя было назвать денди. Он был типичным университетским человеком, – таких людей за последнее время вышло очень много из высших учебных заведений. Его рукопожатие было крепко, голубые глаза были достаточно холодны и достаточно откровенны. Его голос звучал твердо и мужественно, и произношение было у него безукоризненно правильное и приятное для слуха. Единственным недостатком Фредди Друммонда была его необычайная сдержанность. Он никогда не распускался. Даже во время футбольных состязаний чем напряженнее становилась игра, тем хладнокровнее становится он. Он был хорошим боксером. Его называли автоматом, до такой степени точны были все его расчеты при нападении и при защите. Его редко побеждали, но и сам он редко побеждал. Он был слишком умен и осторожен, чтобы позволить себе излишний риск. На каждое состязание он смотрел просто как на хорошую тренировку.

С течением времени Фредди Друммонд стал все чаще переходить черту и исчезать к югу от Базарной улицы. Здесь он

---

⁴ Корректный – вежливый, одержанный.

проводил и летние и зимние праздники. И всегда находил, что провел время с пользой и приятностью. А материала для наблюдения там, в самом деле, представлялось немало. Его третья книга «Масса и хозяин» сделались своего рода евангелием в американских университетах.

А сам он в это время уже сидел над своей четвертой книгой – «Уловка бессильного».

Однако, он чувствовал в себе странную раздвоенность. Быть может, это было смутным протестом против полученного им воспитания, условностей и привычек, унаследованных от предков. Как бы то ни было, он находил большое удовольствие в своих скитаниях по рабочему кварталу. В своей среде он слыл «Холодильником», но там, среда рабочих, он был «Верзила Билль Тоттс», который пил и курил, чертыхался, дрался и видел вокруг дружеские улыбки. Все любили Билля, и многие девушки из работниц ласково поглядывали на него. Вначале он был просто хорошим актером, но потом как бы нашел здесь свою вторую натуру. Он уже не притворялся, что любит, а действительно любил дешевые сосиски и колбасу, хотя в своем родном кругу он не переносил этой пищи.

Начав делать все это с определенной целью, Друммонд затем полюбил эту жизнь, и для него уже стало тяжело и неприятно возвращаться в свой чопорный ученый кабинет. Он заметил, что с нетерпением ожидает того момента, когда можно будет снова перейти черту и опять превратиться в компа-

нейского малого. Он однако вовсе не был повесой, как «Верзила Билль Тоттс»; тот проделывал тысячи таких вещей, на которые никогда не решился бы Фредди Друммонд. Фредди Друммонду они бы даже никогда не пришли в голову; это и было самое удивительное. Фредди Друммонд и Билль Тоттс были совершенно различными людьми. Желания, поступки и настроения одного были диаметрально противоположны поступкам и настроениям другого. Билль Тоттс без всяких угрызений совести лодырничал во время работы, тогда как Фредди Друммонд клеймил лодырничанье, так величайшее преступление, недостойное американца, и посвящал этому вопросу громоподобные главы. Фредди Друммонд никогда не помышлял о танцах, но Билль Тоттс не упускал случая поплясать в какой-нибудь «Магнолии» или «Западной Звезде». Он даже получил большой серебряный кубок, в тридцать дюймов высотой, за костюм на одном из клубных маскарадов Союза Мясников. Кроме того, Билль Тоттс любил поболтать с девушками, и они не отвергали его, тогда как Фредди Друммонд изображал из себя аскета, ненавидел суффражисток⁵ и цинически-ядовито осуждал совместное образование.

---

⁵ Суффражистки (по-английски – Suffrage – голос, избирательное право) – сторонницы предоставления женщинам избирательных прав. В Англии суффражистки, чтобы привлечь к вопросу предоставления женщинам избирательных прав общественное внимание, прибегали к уличным выступлениям и беспорядкам (избивали полисменов, разбивали стекла в магазинах и т. п.), чем вызвали возмущение «благочестивых» кругов буржуазного общества.

Фредди Друммонд с удивительной легкостью менял свои манеры вместе с платьем. Он входил в маленькую комнатку, в которой, он обыкновенно переодевался, прямо и чопорно, плечи его были гордо откинuty назад, выражение лица надменное и холодное. Но одевшись в платье Билля Тоттса, он сразу становился другим человеком. Билль Тоттс не распускался, но его манеры делались простыми и изящными, даже звук его голоса изменялся, смех звучал громко и весело, речь становилась более красочной, и с его уст срывалось подчас крепкое ругательство. Билль Тоттс по вечерам любил засиживаться в кабаках, где среди своих товарищей – рабочих – держал себя добродушно, а иногда воинственно, не уклоняясь от потасовок. Возвращаясь с воскресных пикников, он очень непринужденно обнимал за талию своих спутниц, и видно было, что он ухаживает за ними умело, как и подобает веселому парню из рабочей среды.

Билль Тоттс был настоящим рабочим южной части города и был вполне проникнут самосознанием рабочего класса, а штрейкбрехеров ненавидел сильнее, чем кто-либо из членов союза. Во время большой «водяной забастовки» Фредди Друммонд был настроен весьма критически и хладнокровно мог рассуждать о ней, в то время как Билль Тоттс лодырничал и издевался над штрейкбрехерами. Билль Тоттс был преданным членом своего союза и справедливо негодовал на узурпаторов своих прав. «Верзила Билль» был такой здоровый и такой ловкий малый, что его пускали вперед во вре-

мя всяких заварушек. Фредди Друммонд в своей новой роли научился понимать реальные обиды и искренно возмущался; но, вернувшись в университетскую атмосферу, он начинал хладнокровно обсуждать и взвешивать, как подобает ученому социологу. Фредди Друммонд отлично понимал, что у Билля Тоттса ограниченный кругозор, отчего он и не может подняться над уровнем своего класса. Билль Тоттс не знал этого. Когда он видел, что штрейкбрехеры отнимают у него работу, он попросту приходил в ярость. Фредди Друммонд, безукоризненно одетый, сидя на кафедре в социологической аудитории, созерцал Билля Тоттса и окружающую его среду и хладнокровно рассуждал о союзах и о штрейкбрехерах, сводя все эти вопросы к общей проблеме процветания Соединенных Штатов. Билль Тоттс ничего не видел дальше второго блюда за обедом или следующего состязания боксеров в атлетическом клубе.

Первое предупреждение о грозящей ему опасности Фредди получил, когда собирал материал для своей новой книги «Женщина и труд». В обоих мирах он пользовался слишком большим успехом. Та двойственность жизни, которую он для себя создал, была слишком необычайна, и однажды, сидя у себя в кабинете за работой, он почувствовал, что не может больше выносить этой двойственности. Он дошел до такой точки, когда ему во что бы то ни стало нужно было сделать выбор между двумя мирами. Продолжать жить в обоях он уже не мог. Созерцая полки, уставленные книгами, среди ко-

торых видное место занимали его труды, начиная с диссертации и кончая последней книгой «Женщина и труд», он решил, что этот мир и есть мир, для него предназначенный. Билль Тоттс хорошо помогал ему, но его дальнейшее сообщество начинало становиться опасным. Билль Тоттс должен был исчезнуть.

Главной причиной опасений Фредди Друммонда была Мари Кондон, председательница Международного Союза Перчаточниц, № 974. Первый раз он ее увидел с галереи для зрителей, на ежегодном конгрессе Северо-Западной Федерации Труда. Увидел ее глазами Билля Тоттса, и на Билля Тоттса она произвела самое благоприятное впечатление. Но она отнюдь не была во вкусе Фредди Друммонда. Для него не могла иметь никакого значения ни ее статная фигура, ни поразительная гибкость, ни прекрасные черные глаза, вспыхивающие подчас огнем, ни заразительный смех. Он ненавидел женщин со слишком ярко выраженной жизненностью и с отсутствием... ну, скажем, самообладания. Фредди Друммонд признавал теорию эволюции⁶, потому что ее признавали все его университетские коллеги. И он допускал, что человек просто-напросто верхняя ступень в развитии животных организмов, потомок и высший результат длинной вереницы низших существ. Но он стыдился подобной генеало-

---

⁶ Теория эволюции или трансформизма – учение о превращении низших видов живых существ в высшие.

гии⁷ и предпочитал не думать о ней. Потому-то, вероятно, он и развил в себе железное самообладание, требовал того же от других и женщин предпочитал таких же, то есть свободных от всего животного и чувственного и сумевших благодаря своей выдержке перейти через бездну, отделявшую их от существ низшего порядка.

Биллю Тоттсу были не по плечу подобные размышления, он полюбил Мари Кондон с первого взгляда и тогда же решил узнать, кто она такая. В следующий раз он встретился с ней совершенно случайно, когда занимался перевозкой вещей, управляя фургоном Пата Морриса. Его послали в гостиницу на Посольской улице, чтобы взять оттуда на хранение сундук. Дочь хозяйки провела его в маленькую комнату, обитательница которой, перчаточница по профессии, была только что отвезена в больницу. Он взвалил себе на плечи тяжелый сундук и повернулся к выходной двери, как вдруг его остановил женский голос:

– А вы состоите в союзе?

– А вам какое дело, – возразил он. – Ну-ка, подвиньтесь немножко, а то мне негде повернуться. Живо!..

В следующее мгновение, несмотря на свой рост и силу, он пошатнулся, так как его сильно толкнули, и сундук стукнулся о стену. Билль хотел выругаться, но, обернувшись, увидел сердитые черные глаза Мари Кондон.

---

⁷ Генеалогия – систематическое собирание сведений о происхождении, преемстве и родстве.

– Ну, разумеется, я принадлежу к союзу, – сказал он. – Я просто хотел подразнить вас.

– Покажите вашу карточку, – проговорила она деловым тоном.

– Она у меня в кармане, но я не могу достать ее, – этот дьявольский сундук мешает. Пойдемте вниз, я вам покажу карточку.

– Поставьте сундук на пол, – приказала она.

– Какого черта! Говорю же я вам, – у меня есть карточка.

– Говорят вам, поставьте сундук, я не позволю ни одному штрейкбрехеру⁸ касаться до него. Как вам не стыдно! Здоровый детина отбивает хлеб у честных людей! Почему бы вам самому не записаться в союз и не стать честным человеком?

Краска залила ее лицо, и по всему было видно, что она вне себя от ярости.

– Этакий верзила изменяет своим же братьям. Вы, небось, мечтаете о том, чтобы поступить в милицию и чтобы во время следующей забастовки подстрелить кого-нибудь из товарищей-возчиков; а может быть, вы тайком уже служите в милиции, я вижу это по вашему лицу.

– Ну, нет, черт побери! – воскликнул Билль, с грохотом ставя сундук на пол и вытаскивая из кармана карточку. – Я же вам говорил, что я вас только дразнил. Видите...

Это был, действительно, членский билет союза в полной исправности.

---

⁸ Штрейкбрехер – срыватель забастовки.

– Ну, хорошо, – сказала Мари Кондон. – А в следующий раз не дразните.

Выражение ее лица смягчилось, когда она увидела, с какой легкостью Билль Тоттс взвалил себе на плечи огромный сундук. Загоревшимися глазами она оглядела его могучую мужественную фигуру; но Билль этого не заметил, – он был занят сундуком.

В следующий раз он увидел Мари Кондон во время забастовки прачек. Прачки, недавно организовавшиеся, были неопытны в этом деле и просили Мари Кондон руководить забастовкой. Фредди Друммонд заинтересовался ходом этой забастовки и поэтому откомандировал Билля Тоттса на разведку. Билль работал в прачечной, и в одно утро мужчины были мобилизованы для оказания помощи девушкам. Билль случайно оказался возле двери катального помещения, когда Мари Кондон хотела войти туда. Управляющий – здоровый и плотный человек – загородил ей дорогу. Он вовсе не желал, чтобы его девушек снимали с работы, и хотел отучить ее вмешиваться в чужие дела. Когда Мари Кондон все-таки хотела проскользнуть в помещение, он оттолкнул ее своими жирными руками. Она обернулась и увидела Билля.

– А, мистер Тоттс, – сказала она. – Помогите мне войти туда.

Билль был приятно удивлен, что она запомнила его имя по его членскому билету; в следующее мгновение управляющий отлетел в сторону, а прачечная вскоре опустела. Во все

продолжение этой короткой и удачной забастовки Билль сопровождал повсюду Мари Кондон словно верный адъютант. Но вернувшись в университет, Фредди Друммонд недоумевал, что мог он найти в этой женщине.

Фредди Друммонд был вне опасности, но Билль Тоттс влюбился по уши, – факт, с которым нужно было считаться, и он-то послужил Фредди Друммонду первым предостережением. Работа подходила к концу, стало быть, следовало прекратить авантюру, не было больше никакой надобности переходить черту. В книге «Тактика и стратегия труда» оставалось написать две-три главы, но и для них материала было вполне достаточно.

Другим важным соображением оказывалось следующее: чтобы окончательно утвердиться в роли Фредди Друммонда и встать, наконец, на якорь, ему необходимо было теснее сблизиться с людьми его собственного круга. Он решил, что ему пора жениться; к тому же он был уверен, что если не женится Фредди Друммонд, то не замедлит это сделать Билль Тоттс, а последствия такого брака будут весьма и весьма плачевны. Так в его жизнь вошла Катерина ван-Ворст. Она окончила университет, а ее отец был членом факультета и деканом философского отделения. Брак этот представлялся разумным со всех точек зрения, и Фредди Друммонд был весьма доволен, когда предложение его приняли, и помолвка была объявлена. Холодная и сдержанная, аристократически-консервативная Катерина ван-Ворст не уступала в само-

обладании самому Фредди Друммонду.

Все как будто обстояло благополучно, но Фредди Друммонд никак не мог отделаться от желания снова пожить той свободной и безответственной жизнью, с которой познакомился по ту сторону черты. Когда приблизилось время свадьбы, он ясно понял, что в нем крепко засели корешки других привычек, и ему снова захотелось хоть на миг превратиться в того веселого малого, прежде чем окончательно погрузиться в кабинетную науку и в спокойную семейную жизнь. Как раз подвернулся и предлог: оставалась незаконченной последняя глава его нового труда, для которой требовались кое-какие материалы, которые он не успел собрать.

Поэтому Фредди Друммонд еще раз превратился в Билля Тоттса, собрал все, что ему было нужно, но, к несчастью, встретил Мари Кондон. Вернувшись снова в свой кабинет, он с неудовольствием вспомнил об этой встрече. Предупреждение было вдвойне знаменательно. Билль Тоттс вел себя предосудительно, — он не только встретил Мари Кондон в Рабочем Совете, но, провожал ее домой, зашел с нею в ресторанчик и угостил ее устрицами, а у двери ее дома крепко обнял ее и несколько раз поцеловал в губы. Ее последние слова прозвучали в его ушах нежно и ласково «Билль, милый Билль!»

Вспоминая об этом, Фредди Друммонд содрогался и чувствовал, что у ног его разверзается бездна. Он по природе не был многоженцем, и его не на шутку тревожило создав-

шее положение. Надо было положить конец раздвоению. А для этого было два исхода. Или он должен полностью превратиться в Билля Тоттса и жениться на Мари Кондон, или он должен оставаться только Фредди Друммондом и жить в честном браке с Катериной ван-Ворст; иначе его поведение было бы ужасно и недостойно порядочного человека.

В течение следующих месяцев Сан-Франциско сотрясался всяческими забастовками. Союзы рабочих и ассоциации предпринимателей вели ожесточенную борьбу и, по-видимому, твердо решили раз навсегда выяснить положение. Но Фредди Друммонд просматривал свои корректуры, читал лекции и ни во что не вмешивался. Он всецело посвятил себя Катерине ван-Ворст и с каждым днем восхищался ею все больше и больше – мало того, он начинал любить ее. Забастовка возчиков взволновала его меньше, чем он думал; к стачке мясников он отнесся совершенно равнодушно. Призрак Билля Тоттса окончательно рассеяло, и Фредди Друммонд с новой энергией уселся за давно обдуманную им брошюру «Уменьшающиеся доходы».

До свадьбы оставалось две недели, и вот однажды Катерина ван-Ворст заехала за ним и предложила ему, пользуясь хорошей погодой поехать осмотреть «Клуб для подростков», устроенный Обществом Рабочих Поселков, в котором она принимала деятельное участие.

Автомобиль принадлежал ее брату, но они ехали вдвоем, если не считать шофера. Базарная улица и Джири-Стрит при

слиянии образуют острый угол в виде V. Они ехали на автомобиле по Базарной улице, намереваясь завернуть за угол и поехать по Керни-Стрит. Но они не знали, что ожидает их на этой улице. Хотя они читали в газетах о забастовке мясников, но Фредди Друммонд, по правде говоря, совершенно забыл о ней. Разве мог он помнить об этом, сидя рядом с Катериной? А кроме того, он с увлечением излагал свои взгляды на рабочие поселки, – взгляды, которые он без помощи Билля Тоттса не сумел бы так ловко формулировать.

Навстречу им двигались шесть фургонов с мясом; рядом с каждым возчиком сидел полисмен, а спереди и сзади шел отряд из сотни полисменов: возчики были штрейкбрехерами. Вслед за полисменами шла толпа в довольно стройном порядке, но весьма горластая, запрудившая несколько улиц. Мясной Трест пытался снабдить мясом гостиницы и таким образом сорвать забастовку. Отель Ст. – Фрэнсис был уже снабжен ценою нескольких разбитых окон и голов, и теперь экспедиция отправлялась на выручку Палас-Отеля.

Фредди Друммонд, не обращая внимания на толпу, продолжал развивать Катерине свои взгляды, а шофер уже собирался заворачивать за угол, как вдруг с Дерно-Стрит выехал огромный фургон, нагруженный углем, и загородил им дорогу. Возчик фургона задержал лошадей, и шофер попытался проскочить наперерез фургону, несмотря на окрики полисмена, напоминавшего ему о правилах езды по городу.

Фредди Друммонд должен был прервать свою речь; он так

ее больше и не возобновил, ибо события помчались с быстротою кинематографического фильма. Он слышал рев толпы и видел блеск касок полисменов, охранявших повозки. В этот самый миг возчик фургона с углем погнал лошадей наперерез двигающимся повозкам с мясом, затем резко осадил лошадей и затормозил фургон. После этого он привязал вожжи к ручке тормоза и уселся поудобнее, как человек, которому некуда торопиться. Автомобиль тоже принужден был остановиться.

Не успел шофер дать задний ход, как сзади на автомобиль налетел другой фургон, управляемый старым ирландцем, в котором Фредди Друммонд сразу узнал Пата Морриса. Фредди Друммонд сам не раз управлял этим фургоном. Подъехали новые фуруны, подошел трамвай, и проехать уже не было никакой возможности. Вагоновожатый неистово звонил в колокольчик, мясные фуруны остановились, полиция попала в ловушку. Рев толпы все усиливался, и толпа, в конце концов, стала осаждать полисменов, которые пытались расчистить дорогу для фурунов.

– Вот мы и попались, – хладнокровно заметил Друммонд.

– Да, – столь же хладнокровно ответила его спутница, – какие они дикари!

Он с восхищением смотрел на нее: да, она была вполне в его вкусе; он бы не стал особенно упрекать ее, если бы даже она вскрикнула и прижалась к нему, но такое спокойствие было поистине великолепно. Среди этого бушующего моря

голов она сидела так же спокойно, как при разъезде из театра.

Полиция старалась расчистить дорогу. Возчик фургона с углем, здоровенный малый, с засученными рукавами, набил трубку и сидел, спокойно покуривая. Он снисходительно слушал, как полицейский капитан осыпал его ругательствами, и в ответ пренебрежительно пожимал плечами. Издали донеслось характерное «трах-та-ра-рах» – удары дубинками по головам, раздались крики, вой, проклятия и стоны. Все увеличивающийся шум ясно показывал, что толпа, наконец, прорвала цепь полисменов и теперь стаскивала с козел штрейкбрехеров-возчиков. Полицейский капитан послал туда отряд, который начал теснить толпу. Между тем одно за другим стали открываться окна контор, расположенных в верхних этажах, и клерки, проникнутые массовым сознанием, стали выкидывать на головы полицейских разные предметы, попадавшие под руку. Корзины для бумаги, пресс-папье, чернильницы, пишущие машинки летели на улицу.

Один из полисменов, по приказанию капитана, забрался на угольный фургон, чтобы арестовать возчика. Тот спокойно и лениво поднялся, но затем вдруг схватил и швырнул полисмена прямо на капитана. Возчик был молодой гигант, и когда он взял в обе руки по здоровенному куску каменного угля, полицейский, вторично влезавший на фургон, раздумал нападать на него и спрыгнул на землю. Капитан приказал поддюжине полисменов атаковать фургон, но возчик

перебежал из стороны в сторону и швырял в них куски угля.

Толпа на тротуарах поощряла возчика громкими криками и с восторгом наблюдала борьбу. Трамвайный вагоновожатый, колотивший полицейских тормозной рукояткой, был избит до полусмерти и сташен на мостовую. Полицейский капитан, вне себя от ярости, лично распорядился осадой угольного фургона. Целая толпа полицейских осаждала эту своеобразную крепость, но возчик действовал с необыкновенной быстротой и энергией. По временам шесть или семь полицейских скатывались с фургона. Занятый отражением атаки с задней стороны, возчик, внезапно обернувшись, увидел, что капитан взбирался на фургон с передней стороны. Капитан висел еще в воздухе в неустойчивом положении, когда возчик запустил в него тридцатифунтовым куском угля. Он попал капитану прямо в грудь, тот полетел кувырком, ударился о колесо и упал возле автомобиля.

Катерина думала, что он убит; но он поднялся и полез обратно. Она протянула свою затянутую в перчатку руку и погладила одну из испуганных лошадей. Друммонд не заметил ее движения. Он весь был поглощен созерцанием осады фургона, а где-то там, в глубине его сложной психики, возникал и возвращался к жизни некий Билль Тоттс. Друммонд признавал необходимость поддержания существующего порядка и верил в закон. Но сидевший в нем дикарь ничего этого не признавал.

Фредди Друммонд в этот критический миг напряг всю

свою железную волю, но в писании сказано, что дом, треснувший внутри неминуемо должен пасть. И Фредди Друммонд чувствовал, как расползлся он внутри и как сейчас распадется на две части, одна из которых звалась Биллем Тоттсом. Фредди Друммонд сидел в автомобиле совершенно спокойно рядом с Катериной ван-Ворст, но из глаз Фредди Друммонда уже выглядывал Билль Тоттс, а сам Друммонд наблюдал словно со стороны, как сражаются внутри за обладание его особой спокойный консервативный социолог и Билль Тоттс, сознательный рабочий, охваченный к тому же воинственным пылом. Билль Тоттс предвидел неизбежный исход битвы на угольном фургоне. Он видел, как на фургон забрался сначала один полисмен, затем второй, третий. Он видел, как они спотыкаются на угле и размахивают своими дубинками. Один удар пришелся возчику по голове, от другого удара он уклонился, но дубинкахватила его по плечу. Его игра была проиграна. Тогда он внезапно бросился, схватил двух полисменов в свои могучие объятия и вместе с ними, уже как пленник, шлепнулся на мостовую.

Катерина ван-Ворст едва не упала в обморок при виде крови и грубой драки, но ее волнение было внезапно прервано самым необычайным и неожиданным образом. Сидевший рядом с ней человек издал дикий, нелепый крик и вскочил со своего места. Она видела, как человек этот перепрыгнул через переднее сиденье, оперся о низкий круп лошади и в мгновение ока очутился на фургоне. Он появился точ-

но смерч. Прежде чем капитан, стоявший на верху повозки, мог угадать цель появления этого прекрасно одетого, но необычайно возбужденного джентльмена, он уже полетел на мостовую, сшибленный с фургона страшным ударом. Другой полисмен отправился вслед за ним с разбитой физиономией. Тогда трое других бросились на Билля Тоттса, осыпая его ударами дубинок, так что череп его затрещал, а рубашка, пиджак и жилет разлетелись в клочья. Но все три полисмена полетели на мостовую, а Билль Тоттс, стоя на фургоне, швырял в них углем.

Капитан доблестно кинулся в атаку, но кусок угля полетел в его голову, и капитан принял черное угольное крещение. Полиции было необходимо оттеснить блокаду спереди, прежде чем толпа порвет полицейскую цепь сзади, и Билль Тоттс задался целью удержать полицейских. Таким образом, битва у фургона продолжалась.

Толпа узнала своего чемпиона. Верзила Билль, как всегда, был впереди всех, и Катерина ван-Ворст с недоумением слышала крики. «Билль, эй, Билль!», доносившиеся со всех сторон.

Пат Моррисои в неистовом восторге прыгал и плясал на своем фургоне.

– Так их, Биль, так их, лопай их живьем!

Она слышала, как какая-то женщина на тротуаре закричала:

– Смотри, Билль, они сзади!..

Билль принял во внимание это предостережение и, оглянувшись, очистил с помощью угля эту часть фургона. Катерина ван-Ворст, быстро обернувшись, увидела на тротуаре женщину, черные пылающие глаза которой с восторгом смотрели на того, кто только что был Фредди Друммонд.

Из окон контор раздался гром аплодисментов. Стулья, столы и другие предметы посыпались на улицу с новой энергией. Толпа с одной стороны уже прорвала фронт, и теперь каждый полисмен был центром сражающейся группы. Штрейкбрехеров сбросили с их сидений; построжки лошадей были перерезаны, и испуганные животные бросились в бегство. Многие полицейские, спасаясь от опасности, забегали под угольный фургон, а другие, вскочив на лошадей, прочищали себе дорогу к Базарной улице.

Ван-Ворст снова услышала голос той женщины, кричавшей:

– Улепетывай, Билль! Улепетывай, пора!

В этот миг полиция была оттиснута. Билль Тоттс воспользовался ее замешательством, прыгнул на мостовую и подошел к женщине, которая, к удивлению Катерины ван-Ворст, обняла его и поцеловала в губы. Катерина ван-Ворст с удивлением увидела, как он обнял женщину за талию, и оба они пошли вниз по улице, смеясь и разговаривая, при чем у него была такая развязная походка, которой Катерина ван-Ворст не знала и никак не предполагала.

Полиция возвратилась и очищала баррикады, ожидая

прибытия новых лошадей и возчиков. Толпа, сделав свое дело, расходилась, а Катерина ван-Ворст все смотрела вслед тому, кого она привыкла звать Фредди Друммонд. Он был на голову выше всех, его рука продолжала обнимать за талию женщину. Сидя в автомобиле, Катерина ван-Ворст видела, как эта веселая пара пересекала Базарную улицу, перешла черту и исчезла в лабиринте рабочего квартала.

В течение следующих лет не слышали лекций Фредди Друммонда в Калифорнском университете. Книги по экономическим вопросам, носящие имя Фредерика А. Друммонда, также не появлялись. Зато появился новый рабочий лидер – Вилльям Тоттс. Это он женился на Мари Кондон, председательнице Международного Союза Перчаточниц, N 974. Это он организовал знаменитую забастовку поваров и официантов, которая прошла с таким блистательным успехом и вовлекла в забастовку многие другие союзы, имевшие к Союзу Поваров и Официантов лишь косвенное отношение, например, Союз Куроводов и Союз Могильщиков.